

Когда лошадь в испуге понесла, Сюй Чэнь стремглав бросился следом. Увидев, что произошло, он похолодел: если Бай Нин упадет с такой высоты, от него мокрого места не останется.

В голове промелькнули мгновения, проведенные вместе. Он и не думал, что за столь короткий срок у них накопится столько воспоминаний. И пусть Бай Нин был кровожадным демоном, в этот миг Сюй Чэнь отчаянно не хотел его смерти.

Он влил в ноги всю внутреннюю энергию, ускоряясь, твердо решив спасти его, но опоздал на миг: карета вместе с лошастью и седоком рухнула в пропасть.

— Бай Нин! — вскричал он.

Ответа не последовало. В груди Сюй Чэня заныло — едва заметно, но эту боль было невозможно игнорировать.

— Бай Нин, — прошептал он, опускаясь на колени, и сердце его охватила смутная тревога.

Он не мог поверить: неужели тот погиб, так и не дождавшись наставления на путь истинный?

— Ты меня зовешь?

Раздался голос Бай Нина. Сюй Чэнь, не веря своим ушам, обернулся.

Бай Нин, взлетев со дна ущелья, приземлился и выровнял дыхание. На нем был лазурный халат, который на ветру развевался, словно крылья, длинные волосы растрепались, вид был потрепанный, но на лице играла дерзкая, свободная улыбка. Этот образ поразил Сюй Чэня сильнее, чем что-либо прежде.

Тот застыл, не в силах вымолвить ни слова, и лишь спустя долгое время отозвался:

— Г-господин Бай...

Бай Нин приподнял бровь и насмешливо посмотрел на монаха:

— Не рад меня видеть? Не хотел, чтобы я выжил?

Сюй Чэнь окинул его взглядом, убеждаясь, что тот цел, и с облегчением выдохнул:

— Монах не желает смерти господину Баю. Я должен наставить вас на путь истинный.

Бай Нин скривил губы:

— Скука.

Сказав это, он с помощью легкой поступи взмыл в воздух и скрылся из виду.

Сюй Чэнь смотрел ему вслед, не успевая переварить происходящее. Сегодняшние эмоциональные качели выбили его из колеи — он понял, что его мастерство еще недостаточно, раз он не может сохранять спокойствие даже перед лицом гибели.

Вдруг он вздрогнул, вспомнив нечто важное, и бросился вдогонку. Но Бай Нин обладал непревзойденной легкостью, и через несколько мгновений след его простыл. Сюй Чэню пришлось выжать из себя все силы.

Заметив, что монах отстал, Бай Нин чуть сбавил темп, хотя все равно двигался стремительно. Он собирался найти того разбойника, что ранил лошадь. Тот оказался довольно хитрым: попытался использовать карету, чтобы сбежать, не подозревая, что внутри сидит глава Демонической секты.

Хоть разбойник и бежал быстро, он не владел боевыми искусствами, и Бай Нин настиг его в два счета. Одним ударом ноги он опрокинул злоумышленника на землю.

Поняв, что бежать некуда, разбойник рухнул на колени:

— Пощадите, великий мастер! У меня глаза были застланы, я не узнал вас! Я заслуживаю смерти, но прошу, смилуйтесь!

Бай Нин, не меняясь в лице, занес ладонь для удара, но тут подоспел Сюй Чэнь:

— Господин Бай, не убивайте его!

Бай Нин нахмурился, сдерживая удар, и обернулся к монаху:

— Этот человек хотел меня убить. Он заслуживает смерти.

Сюй Чэнь посмотрел на него с мольбой:

— Господин Бай, вы не должны множить свои грехи.

— А если я все же хочу его убить? — спросил Бай Нин.

Сюй Чэнь ответил твердо:

— Если вы настаиваете, монах готов отдать жизнь, чтобы остановить вас.

Разные судьбы ведут к разным взглядам на мир. То, что кажется правильным одному, неприемлемо для другого, и столкновение этих убеждений неизбежно порождает конфликт.

Это была первая их ссора, но в будущем их станет только больше. Если не найти компромисс, эти разногласия разведут их в разные стороны.

— Хорошо, я не стану его убивать, — Бай Нин решил уступить.

— Но я сломаю ему обе ноги, — добавил он следом.

Сюй Чэнь помрачнел, но, по крайней мере, убийства удалось избежать — надежда на исправление еще теплилась.

— Пусть так. Если он лишится ног, то больше не причинит вреда людям.

Сюй Чэнь тоже пошел на уступку.

Бай Нин усмехнулся, но прежде чем он успел что-то сказать, почувствовал опасность. Инстинктивно дернувшись, он избежал смертельного удара, но лезвие все же полоснуло его по пояснице, и брызнула кровь.

Предательский удар нанес тот самый разбойник, что еще секунду назад молил о пощаде.

— Господин Бай! — Сюй Чэнь, не ожидавший такого подвоха, в ужасе бросился к нему.

Бай Нин, прижимая рану, нанес ответный удар, отшвырнув разбойника. Даже в спешке, без особой концентрации силы, этого хватило, чтобы тот потерял сознание.

Боль в боку была невыносимой, ноги подкосились, и Сюй Чэнь вовремя подхватил его.

— Господин Бай... вы... вы как? — голос монаха дрожал.

Он в суматохе перевязал рану, но к тому времени, как кровь остановилась, Бай Нин уже был на грани обморока.

— Держитесь, я найду врача! — Сюй Чэнь подхватил его на руки и понесся вперед, не жалея

сил.

На самом деле Бай Нин был в сознании и беседовал с системой.

А-Ци: Носитель, поздравляю, вы снова ранены в поясницу.

Бай Нин: ...

А-Ци: Ха-ха-ха! Ваша поясница уже не та!

Бай Нин: Ха-ха. Вот доведу тебя до слез, узнаешь, та она или нет.

А-Ци: ... Носитель, почему вы такой жестокий?

Чтобы сменить тему, А-Ци спросил: Хотите, я подлечу рану? Всего за два очка.

Бай Нин: Не нужно, эта рана мне еще пригодится.

А-Ци долго молчал, наконец произнес: Вы невероятно упрямы.

Бай Нин: Ха-ха.

Он открыл свою панель характеристик:

Очарование: 99

Сила: 90

Чувства: 68

Преданность: 62

Доверие: 62

Сложность задания: В

Уровень носителя: 0

Навыки: Очарование красоты, Техника ладони «Перенос гор и засыпка морей».

Доступные очки: неисчислимо.

Бай Нин замолчал, глядя на цифры.

А-Ци, изучив показатели, воскликнул: Носитель, показатели доверия и преданности не изменились!

Бай Нин: Хм.

А-Ци: Почему вы не волнуетесь? Обычно они растут вместе с чувствами. Я с таким никогда не сталкивался, у меня нет решения!

Бай Нин вспомнил прошлую жизнь: тогда было то же самое. Чувства росли, но доверие — нет. Это была серьезная проблема. С древних времен ни одни отношения не могли длиться долго без доверия.

Вывод был прост: Сюй Чэнь отторгает его. Его чувства растут, но разум противится, потому что монах уже сделал свои выводы. Сюй Чэнь решил, что Бай Нин — человек демонического пути, его враг, и подсознательно закрылся. Даже решив наставить его на путь истинный, он был готов в любой момент свершить правосудие, если сочтет того безнадежным.

Рост чувств, скорее всего, был вызван жалостью из-за инцидента с разбойником. Все это означало, что чувства Сюй Чэня больше не будут расти так легко.

Когда Бай Нин поделился этим с А-Ци, тот ощутил «десять тысяч очков урона».

А-Ци: Это катастрофа! Скажите, что это неправда, что я сплю!

Бай Нин: Ха-ха.

А-Ци: Почему вы не волнуетесь?!

Бай Нин: Ха-ха.

А-Ци: ... Терпеть не могу это ваше ха-ха.

Бай Нин: Если волнуешься, действуй сам!

А-Ци: ... Теперь я люблю это ваше ха-ха.

Как бы А-Ци ни паниковал, факты оставались фактами. Сложность возросла, но Бай Нину стало только интереснее. Он любил трудности.

Рана была перевязана, но состояние Бай Нина оставляло желать лучшего. Сюй Чэнь в отчаянии искал лекаря, но вокруг были лишь глухие пустыри. К счастью, вскоре появился

одиноким дом. Сюй Чэнь удивился, увидев его в такой глуши, но, заметив вышедшего хозяина, воспрял духом.

Бай Нин потерял много крови, но рана оказалась не такой глубокой, как в первый раз, и он пришел в себя через день.

Первое, что он увидел, открыв глаза, был Сюй Чэнь. Бай Нин остался бесстрастен, хотя внутри шевельнулось раздражение — видеть первым делом того, кто ему не по душе, было неприятно.

Сюй Чэнь, заметив, что он очнулся, тут же спросил:

— Господин Бай, вы очнулись! Как вы себя чувствуете?

Бай Нин долго смотрел на него, потом открыл рот, но голос был слишком слаб. Сюй Чэнь склонился ближе, чтобы услышать, и был ошарашен:

— Монах, я хочу мяса!

Сюй Чэнь: ...

Он в таком состоянии, а все еще думает о мясе. Видимо, страсть к нему у него в крови.

— Когда вам станет лучше, вы сможете поесть, — мягко улыбнулся Сюй Чэнь.

Хоть Бай Нин и был главой демонов, Сюй Чэнь вдруг подумал, что тот по-своему мил.

А-Ци закатил глаза: Глупый монах, он хочет съесть не мясо, а тебя.

Несмотря на ворчание, А-Ци заметил, что показатель чувств Сюй Чэня вырос на два очка — до семидесяти. Он влюбился. Пусть любовь была еще слабой, но она была.

А-Ци едва не подпрыгнул от радости, но Бай Нин охладил его пыл:

— Доверие и преданность не выросли. Это значит, что он может разлюбить так же быстро, как и полюбил.

А-Ци: И то верно.

Бай Нин, пролежав несколько дней, наконец смог встать. Он поправлялся быстро, но Сюй Чэнь настаивал на отдыхе, боясь, что рана разойдется.

Как только Бай Нин смог ходить, у него появилось новое хобби — греться на солнце. Сюй Чэнь же, будучи здоровым, помогал хозяевам дома по хозяйству: колот дрова, пока Бай Нин наблюдал за ним, щурясь от солнца.

Каждый раз, когда Сюй Чэнь поднимал голову, он видел, что Бай Нин улыбается ему.

— Господин Бай, вы еще не поправились, не стоит сидеть на ветру, — в который раз повторял Сюй Чэнь.

Бай Нин зевнул:

— В комнате я скоро покроюсь плесенью.

Сюй Чэнь не стал спорить, зная, что бесполезно, но принес ему накидку. Когда он укрывал его, Бай Нин сказал:

— Ты так много дров наколот, им этого на год хватит.

Сюй Чэнь потер лысину, глядя на гору дров, и улыбнулся:

— Разве?

Он так увлекся, что забыл обо всем.

— Монах, ты что, умеешь только дрова колоть? — засмеялся Бай Нин.

Сюй Чэнь покачал головой:

— Я еще умею носить воду и готовить.

Бай Нин взглянул на него:

— Я проголодался.

Сюй Чэнь: ... Это он сейчас намекает, чтобы я шел готовить?

Дни проходили спокойно, пока не появилась глупая птица А-Ци — почтовый голубь Бай Нина. Увидев его, Бай Нин понял, что его подчиненные получили послание.

Сюй Чэнь, глядя, как птица села на руку Бай Нина, улыбнулся:

— А я думал, она улетела, а она нашла нас.

Бай Нин погладил птицу по голове:

— Глупая птица.

— Монах, завтра я уйду в филиал Ли, — сказал Бай Нин. (Так в народе называли Демоническую секту).

Он уже прочитал донесение: подчиненные выполнили задание и ждали его в филиале. Задание заключалось в том, чтобы убить Ли Циня и забрать Жемчужину Души.

Бай Нин задумал это, как только узнал истинные цели Ли Циня. Тот хотел использовать его, чтобы получить жемчужину, но Бай Нин решил превратить все старания Ли Циня в прах.

Ли Цинь получил жемчужину, но после побега Бай Нина она стала для него проклятием. Он знал, что Бай Нин отомстит, а если нет — будет охотиться за жемчужиной. Единственным, кто мог противостоять Бай Нину, был его наставник, но из-за жемчужины Ли Цинь не мог рассказать ему правду, иначе тот сначала убил бы его самого.

Оставшись в одиночестве, он в отчаянии решил просить помощи у главы секты Тяньян, но Бай Нин действовал быстрее. Ли Цинь был схвачен еще до того, как его письмо дошло до адресата, и под давлением был вынужден отдать жемчужину.

Нужно признать, его дерзость поражала: зная, кто такой Бай Нин, он все равно рискнул пойти против него. Он был уверен, что план не провалится, ведь он уже «заточил» Бай Нина, пытаясь выведать технику ладони. Но план провалился.

Бай Нин не испытывал радости, но пора было возвращаться. Одной из целей его ухода из секты было сближение с Сюй Чэнем, второй — поиск предателя. В прошлой жизни он знал, что в секте есть «крыса», сговорившаяся с Восемью сектами Праведных, что и привело к его гибели. Но предатель залег глубоко. Впрочем, теперь он точно его вычислит.

«Я дал тебе такой шанс, не разочаруй меня», — подумал он.

Бай Нин был еще слаб, и Сюй Чэнь нашел повозку. Увидев ее, Бай Нин расхохотался так, что заболел живот: это была обычная ослиная телега для перевозки грузов, без крыши, просто дощатый настил.

Сюй Чэнь, потирая лысину, смущенно объяснил:

— Это единственное, что удалось найти у господина Цзэна.

Бай Нин, отсмеявшись, взобрался на телегу:

— Поехали, мастер Сюй.

Сюй Чэнь вздохнул и погнал осла. Животное шло медленно, и Бай Нин, лежа на досках, смотрел в небо, находя это довольно занятным. Встречая высокую траву, он срывал стебли, играя с ними или закусывая травинку.

Иногда Сюй Чэнь оглядывался и видел его — с травинкой в зубах, руки за головой, взгляд устремлен в небо. В этом взгляде была такая пустота, что сердце Сюй Чэня сжималось от боли. Но стоило ему открыть рот, как Бай Нин смотрел на него и улыбался, и сердце монаха начинало биться в бешеном ритме. Он понимал, что его чувства к Бай Нину особенные, но инстинктивно противился им.

А-Ци: Носитель! Растет! Растет, чувства растут! Ой, упали! Подожди, снова растут... нет, не падай, нет, нет, нет!

Бай Нин не понимал, что за припадок у системы, но спросил:

— Что случилось?

А-Ци: Чувства Сюй Чэня выросли на очко, но тут же упали назад! У-у-у, мне так грустно!

Бай Нин: ...

А-Ци: Носитель, скажите что-нибудь! Утешьте меня!

Бай Нин: Мне самому нужно утешение.

А-Ци: У-у-у...

Бай Нин: Ладно, спою тебе песенку.

А-Ци: Хорошо! Носитель такой молодец!

— Солнце светит в вышине, цветы улыбаются мне...

Эту песню он учил еще в начальной школе, но система, похоже, была в восторге. Бай Нин

больше не стал петь, но Сюй Чэнь спросил:

— Господин, вы сейчас пели? Почему это не похоже на то, что я слышал раньше?

Бай Нин замер:

— Это не театр, это песня.

<http://bllate.org/book/22169/2309495>